

политика

С.Г.Алленов

ОБРАЗ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ МОЛОДОГО ЙОЗЕФА ГЕББЕЛЬСА

«Россия, ты надежда умирающего мира!»
(1923–1924 гг.)

От редакции. Данная статья представляет собой вторую из цикла «Образ России и формирование политического мировоззрения молодого Йозефа Геббельса», публикацию которого мы начали год назад. С открывающей цикл статьей, имеющей подзаголовок «„Свет с Востока“ (1918–1923 гг.)», можно познакомиться в первом выпуске «Политики» за 2012 г.¹ Третья, завершающая его статья будет опубликована в одном из ближайших номеров.

¹ См. Алленов 2012.

Ключевые слова: Геббельс, Россия, Достоевский, социализм, христианство, нацизм

Место Геббельса в истории национал-социализма определяется не только его высшими постами в НСДАП и зловещей славой одного из самых влиятельных вождей Третьего рейха. Вскоре после падения нацистского режима, когда в Германии началось осмысление ее недавнего прошлого, колченогий министр воскрес в немецкой памяти в демоническом ореоле создателя того образа Гитлера, в котором тот только и мог стать кумиром и предводителем нации². Тогда же историки заговорили об уникальном даре шефа нацистской пропаганды не просто искажать реалии, но творить новую, пленительную для масс действительность, которую, собственно, и должен был воплотить Третий рейх³. И если эти версии, по сути отводящие Геббельсу роль демиурга гитлеровского господства, могут показаться слишком смелыми, то его успех в создании себе имиджа одного из символов нацизма не вызывает сомнений. Этот имидж был многолик: манипулирующий толпой демагог и глава мощнейшего пропагандистского аппарата, покровитель «немецких» искусств и подстрекатель, зовущий немцев к погромам евреев, истребительному «походу на Восток» и тотальной войне против всего человечества. К тому же Геббельс был единственным соратником Гитлера, который не только без колебаний поддерживал его во всех преступных начинаниях, но и сопровождал до самого конца, вплоть до

² См., напр. Dr. Goebbels 1949: 226. Иллюстрацией данного подхода может служить один из выпусков журнала «Шпигель» с броским заголовком на титульной странице: «Подстрекатель. Йозеф Геббельс: человек, который сделал Гитлера» (Der Spiegel. 2010. № 47).

³ См. Riess 1950: XVI; Reichel 1996.

бункера рейхсканцелярии, сведения счетов с жизнью, а заодно и организации убийства своих шестерых малолетних детей.

Неудивительно, что эти ипостаси фанатичного нациста настолько прочно срослись с фигурой Геббельса, что уже в глазах его современников — как сторонников, так и противников — казались присущими ему органично и едва ли не изначально. Очень быстро они заслонили тот период его жизни, когда он еще не имел отчетливых политических взглядов и перспектив. Между тем именно Геббельс как никто другой из миллионов членов НСДАП и ее вождей сумел позаботиться о том, чтобы сохранить для истории свой личный опыт превращения в национал-социалиста. Присущие ему нарциссизм и графомания⁴ побудили его к написанию текстов, дающих сегодня уникальную возможность буквально день за днем проследить эволюцию его политических взглядов и всего внутреннего мира. Думается, реконструкция этого процесса может быть полезной для понимания умонастроений той немалой части немецкой интеллигенции, которая в те годы тоже делала свой политический выбор в пользу НСДАП⁵. Поскольку вызвавшая этот сдвиг дезинтеграция общественного сознания не была уникальной особенностью одной лишь Веймарской Германии, пример мировоззренческой эволюции Геббельса остается по-своему поучительным и сегодня. В частности, он демонстрирует, какими на первый взгляд безобидными и даже возвышенными мотивами может вдохновляться начинающий нацист и как далеко он может зайти в стремлении искоренить открывшееся ему «зло» ради утверждения общего «блага».

⁴ См. Gathmann, Paul 2009, а также Longerich 2010, где «нарциссическая жажда признания» представлена в качестве важнейшей движущей силы карьеры Геббельса (Ibid.: 12).

⁵ О предрасположенности немецких гуманитариев к продуцированию и усвоению национал-социалистических идей см. Vondung 1986: 256—269.

⁶ Сблизившийся с национал-социалистами лишь весной 1924 г. Геббельс уже через год взял на себя смелость

**«Из-за нужды
мой взор
становится
острее»**

учить новобранцев НСДАП азам партийной грамоты (см. Goebbels 1925). Быстро завоеванная репутация «старого борца», возглавляющего движение чуть ли не с момента его основания, стала, по сути, его первым крупным пропагандистским успехом.

⁷ См. Goebbels 1987: 9—14.

⁸ См. Riess 1950: 7; Heiber 1962: 17; Höver 1992: 35.

Личные записи молодого Геббельса показывают, что его путь в нацизм не был таким прямым и predeterminedным, как он пытался внушить это читателям уже своих первых пропагандистских сочинений⁶. Процесс его превращения в нациста нельзя назвать и уникальным. Судя по воспоминаниям, написанным им еще до того, как этот процесс завершился, его взгляды складывались под влиянием разнообразных факторов, из которых специфическими были разве что черты его отнюдь не демонической природы. Остальное, включая круг чтения и социальное окружение, обстановку в стране и — не в последнюю очередь — стесненные жизненные условия, входило в опыт почти каждого образованного немца его поколения. Тем более неожиданным даже безотносительно будущей карьеры Геббельса является то, насколько незначительное место в его заметках о пережитом заняли судьбоносные для Германии политические события 1918—1919 гг.⁷ Может показаться, что автора мемуаров почти не тронули ни поражение в войне, невозможность участия в которой он успел пережить как унижение и горе⁸, ни рождение республики, которая всего через 15 лет падет жертвой его же пропагандистских усилий, ни заключение мира, ревизии которого он вскоре посвятит свою дальнейшую жизнь. Даже если предположить, что мечтавший о славе писателя студент-германист не стал задним чис-

⁹ Сохранившаяся переписка Геббельса свидетельствует о том, что его безучастие к этим событиям не было абсолютным (см. Longerich 2010: 31—32).

¹⁰ Фест 1993: 108.

¹¹ См. Heiber 1962: 23. Перевод дан по: Достоевский 1957: 265.

¹² Свою диссертацию Геббельс написал за четыре месяца и защитил с весьма скромной оценкой. Всему процессу работы над ней он уделил в воспоминаниях две строки, тогда как ее защита и последующая гулянка удостоились половины страницы (см. Goebbels 1987: 21—22).

¹³ Цит. по: Reuth 1990: 53.

лом изливать вызванные этими катаклизмами чувства⁹, накал его переживаний был все же недостаточным для того, чтобы они обернулись устойчивым интересом к политике. И уж, конечно, не помышлял он об участии в политической борьбе и не собирался превращать ее в главное дело своей жизни. В этот период к нему вполне можно отнести слова одного из биографов Гитлера, заметившего, что в натуре будущего фюрера до поры преобладала аполитичность «или, скажем так, художественно-романтические мотивы главенствовали над политическими»¹⁰.

Ключом к восприятию молодым Геббельсом окружающего мира может служить цитата из романа Ф.М.Достоевского «Бесы», которой он в 1921 г. открыл свою диссертацию: «Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающей и господствующей, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо»¹¹. Эти слова из монолога Шатова о духовном избранничестве русского «народа-богосца», вряд ли годящиеся на роль эпиграфа к какому бы то ни было научному труду, казалось бы, не имеют отношения к диссертации, посвященной одному из малоизвестных представителей немецкого романтизма. Однако во введении к ней докторант постарался пояснить их так, чтобы высветить актуальность своей работы, а заодно поставить диагноз духовной ситуации своего времени, занимавший его куда больше литературоведческого анализа заявленной темы¹². По его убеждению, загадочная сила, о которой писал русский классик, одинаково проявляла себя и в эпоху романтиков, и в современной немецкой жизни: «Здесь, как и там, царит почти болезненная в своем накале духовность, дошедший почти до кипения пыл и жажда чего-то более возвышенного и лучшего, нежели то, чем мы живем и к чему стремимся... В обоих случаях мы наблюдаем тяжелые, суровые времена жизни народной; можно говорить о едва ли не европейских кризисах... Здесь, как и там, ширится поверхностное просвещение, находящее свой смысл и конечную цель в плоском бездушном атеизме. Но против этого борется поколение богоискателей, мистиков, романтиков. Они ведут разговор об идеализме и любви, почитают бога, который мистически переживается каждым, и верят в мир, который добр и хорош»¹³.

Сколь ни неожиданна попытка молодого германиста опереться на авторитет Достоевского при раскрытии смысла сразу двух периодов в истории «немецкого духа», она представляется весьма интересной с точки зрения толкования им как самого этого «духа», так и творчества русского гения. Нетрудно заметить, что основное содержание описываемых эпох Геббельс видел в противоборстве двух мировоззренческих традиций, одна из которых восходит к идеям французских просветителей, а другая представлена взглядами старых и новых немецких романтиков. Очевидно также, что сам он выступал на стороне романтизма, понимаемого не просто как литературный феномен, но как «движение мысли, образ мыслей, который нашел выражение почти в каждой обла-

¹⁴ Гринфельд 2008: 304.

сти социального, экономического и культурного бытия породившей его страны и глубоко повлиял на ее будущее развитие»¹⁴. И если молодой Геббельс рассматривал себя в качестве продолжателя дела ранних романтиков в исторически новых условиях XX столетия, то его личные записи и литературные опусы, при всей сомнительности их художественных достоинств, действительно демонстрируют немало признаков принадлежности к данной традиции. Эта ментальная и мировоззренческая близость может быть объяснена не только влиянием, оказанным на начинающего литератора авторами, творчество которых он хорошо знал, но и определенным сходством условий и стиля жизни лиц свободных профессий на совершенно разных этапах немецкой истории. С одной стороны, процесс становления эстетических, а затем и политических взглядов молодого Геббельса может служить частным примером общей радикализации немецкого «образованного бюргерства» вследствие падения его материального статуса и социального престижа в первые десятилетия XX в.¹⁵ Но вместе с тем образ жизни будущего палача немецкой культуры поразительно напоминал мытарства живших более чем за сто лет до него литераторов-романтиков, многие из которых тоже не имели «приличной» работы и вынуждены были довольствоваться случайными заработками, страдая от неустроенности и пренебрежения со стороны преуспевших соотечественников¹⁶.

¹⁵ См., напр. Ringer 1983.

¹⁶ См. Гринфельд 2008: 305.

¹⁷ По всей видимости, необходимость скорейшего завершения учебы была вызвана соображениями материального плана (см. Heiber 1962: 21).

¹⁸ Goebbels 1987: 22.

¹⁹ Ibid.: 23, 24, 25.

²⁰ См. Ibid.: 25, 26, 28; Höver 1992: 40. Впрочем, материальная нужда и прежде не всегда означала для Геббельса необходимость жесткой экономии. Его воспоминания полны записей о посещениях театров и кафе, пикниках и дальних поездках на отдых с подругами и т.п. При этом он не отказывался от денежной помощи своих возлюбленных, не говоря уже об их подарках.

Описания нужды и вызванных ею унижений, которыми пестрят воспоминания Геббельса о студенческих годах, не стали реже и после того, как он в предельно сжатый срок получил университетское образование и в ноябре 1921 г. без видимых усилий защитил диссертацию¹⁷. Ни университетский диплом, ни даже ученая степень, которой он явно гордился, не помогли ему обрести душевный покой и встать на ноги в материальном плане. Сразу после защиты новоиспеченный доктор философии собрался с друзьями искать счастья в Индии, а когда эти планы рухнули, стал перебиваться случайными заработками в своем родном Рейдте¹⁸. Весь его опыт работы по специальности свелся к дюжине литературных обзоров в местной прессе и частным урокам, после чего он пришел к мысли о необходимости найти «приличное место» и «начать зарабатывать»¹⁹. Казалось, таким местом могло стать Кёльнское отделение Дрезденского банка, куда Геббельс устроился в начале 1923 г. «Мое отвращение... Дерьмовые недели. Ничтожное жалование... Я должен отсюда вырваться... Я сыт банком по горло... Отчаяние. Мысли о самоубийстве... Больше не выдержу», — таков неполный перечень его впечатлений от работы. Так и не сумев себя перебороть, он взял в августе отпуск и провел его с подругой на море, а по возвращении симулировал болезнь и спровоцировал свое увольнение из банка²⁰.

Оценить неординарность решения оставить службу, приносящую хоть мизерный, но гарантированный доход, можно лишь с учетом того, что оно было принято в самый разгар коллапса, поразившего экономику Германии. Естественно, что в ситуации, когда цены на самое необходимое росли буквально с каждым днем и уже исчислялись мил-

лионами марок, Геббельс, добровольно вступивший в столь же стремительно растущую армию безработных, тут же был вынужден задаться вопросом: и что же теперь?²¹ Ответ на него содержат последующие записи воспоминаний: «Я не получаю ничего... Дни, полные нужды и отсутствия работы... Мои усилия насчет работы не дают результата... Отчаяние... Неуютно... В Рейдт». Не найдя заработка и дома и вновь перейдя на содержание отца, 25-летний доктор философии пережил новый приступ депрессии, пытаясь, по собственному признанию, заглушить его «диким пьянством сутками напролет» и терзаясь мыслью о том, что «больше не вынесет этой муки»²². Это состояние, вызванное унижительным положением иждивенца, усугублялось тем, что рукописи его литературоведческих эссе, а также драм и стихов собственного сочинения, которые он рассылал по редакциям газет, издательствам и театрам, безжалостно отвергались. Возможно, будь рейнландские редакторы и завлиты менее взыскательны, непризнанный литератор не свернул бы в конце концов на ту же стезю, которую уже проторил отвергнутый венскими профессорами живописи несостоявшийся художник Гитлер.

Правда, писательский пыл Геббельса остужали не только жизненные и профессиональные невзгоды, но и причины, указанные в его воспоминаниях о кануне 1923 г.: «Моя творческая деятельность равна нулю. Почему? Неспособен? Обстоятельства. Положение в Европе. Россия. Большевизм. Хаос»²³. Интерес к происходящему, становившийся все более интенсивным по мере нарастания Рурского конфликта, на время оттеснил его занятия литературой на второй план. В условиях политического кризиса, которым события в Руре отозвались во всей Германии, Геббельс, уже успевший ощутить в себе первые ростки «социализма», попал под влияние характерной для того времени тенденции к сближению «левой» идеи с идеологией воинствующего национализма²⁴. Описывая «сумасшедшие времена», наступившие в стране летом 1923 г., он сам в чеканной форме определил свою позицию: «Я — немецкий коммунист»²⁵.

Не исключено, что мировоззренческая эволюция будущего нациста могла остановиться на уже достигнутой стадии, и он бы остался не более чем одним из второразрядных публицистов, затерянных в яркой плеяде немецких «национал-революционеров». Однако, согласно дневниковым записям, потребность Геббельса в идентификации виновников народных страданий и его личных неудач как раз тогда обернулась «открытием», которое заключалось в установлении этнической принадлежности носителей социального зла. Этот сдвиг в сознании, служащий надежным симптомом формирования национал-социалистических убеждений, был зафиксирован в мемуарах бедствующего сочинителя вслед за замечанием, что нужда делает его взор острее²⁶. О том, что именно ему при этом открылось, можно догадаться из последующей череды все более настойчивых упоминаний о евреях, еврействе и пресловутом еврейском вопросе²⁷.

²¹ *Goebbels 1987: 28.*

²² *Ibid.: 28, 29.*

²³ *Ibid.: 25.*

²⁴ *См., напр. Reuth 1990: 48.*

²⁵ *Goebbels 1987: 27.*

²⁶ *См. Ibid.: 26.*

²⁷ *См. Ibid.: 26, 27—28.*

NB! Впрочем, толчок к превращению Геббельса в махрового юдофоба могла дать его размолвка с новой возлюбленной, заявившей, что не хотела бы иметь от него детей из боязни дурной наследственности, связанной с его хромотой. Признание девушки в ее полуеврейском происхождении оказалось для Геббельса своего рода компенсацией за пережитое унижение. С этого момента, по его воспоминаниям, ее «первые чары» были разрушены, и он почувствовал, что «настроен к ней скептически»²⁸. Найденное таким образом средство вытеснения комплекса собственной неполноценности действовало тем эффективнее, чем сильнее становились представления уязвленного ухажера о евреях как носителях передавшегося его подруге наследственного порока. Намек на это содержит запись, сделанная им в дневнике более чем через год после роковой беседы: «Эльза так добра и хороша. Но я ее больше не люблю... И все же, черт возьми, я должен от этого избавиться. Вырождающаяся раса станет стерильной и должна будет погибнуть. Я не могу здесь помочь!»²⁹ В этой фразе Геббельса, предвосхитившей нацистское решение «еврейского вопроса», можно услышать отзвук злорадного удовлетворения от мысли о еще не родившемся, но уже обреченном на небытие потомстве женщины, которая отказалась стать матерью его якобы заведомо неполноценных детей.

Все более занимавшая Геббельса «еврейская тема» если и не стала главной причиной временного снижения его писательской активности, то, по меньшей мере, оказалась сродни представлениям о «закате немецкой идеи», ввергавшим его в депрессию вплоть до осени 1923 г.³⁰ Внешние проявления этой деградации он находил в обострявшейся в ходе кризиса политической обстановке, но глубинная суть происходившего открывалась его посвященному, как он полагал, взору поэта в скрытой от профанного взгляда духовной сфере³¹. При этом события, выглядевшие катастрофой даже на фоне недавнего далеко не идилического прошлого, вписывались в свойственную его сознанию картину перманентного духовного упадка, выходом из которого станет рождение нового человека и тотальное обновление мира.

Воспоминания Геббельса и начатый им в разгар Рурского конфликта дневник содержат негодующие заметки о бедствиях рабочих, сочувственные описания народных волнений и гневные отклики на репрессии властей. И все же именно в самые драматичные дни осени 1923 г. он снова ушел в сочинительство, отметив с мрачным удовлетворением, что пока «мир снаружи» катится «своим бешеным чередом», он будет жить в «ином мире»³². Само по себе желание дистанцироваться от удручающей действительности, которой Геббельс, по его словам, «был бы сыт по горло»³³, вряд ли выглядит странно. Удивительной деталью этой ситуации является лишь то, что будущий шеф нацистской пропаганды

²⁸ См. *Ibid.*: 25.

²⁹ *Goebbels 2004*: 116 (запись за 31.03.1924).

³⁰ См. *Goebbels 1987*: 28, 29.

³¹ Ср.: «...Великие процессы явственно и различимо прodelывают свой путь через века, и только тот видит их, кто имеет глаза. Поэтому сегодня слово должен иметь поэт, не ученый; ведь смотреть может всякий, но видеть — только он» (*Goebbels 2004*: 29, запись за 17.10.1923).

³² *Ibid.*: 44 (запись за 2.11.1923). В ноябре 1923 г. Геббельс в рекордно короткий срок пишет пьесы «Прометей» и «Странник» (см. *Ibid.*: 45—50, 50—54, записи за 5—12, 14—28.11.1923).

«Он придает такую надежду и такую веру, делает таким сильным, таким добрым и таким чистым!»

³³ *Ibid.*: 45 (запись за 4.11.1923).

практически не обратил внимания на предпринятую 9 ноября его будущими соратниками попытку пресловутого «пивного» путча. Этот день, ставший впоследствии центральной датой нацистского календаря и отмечавшийся в Третьем рейхе грандиозными пропагандистскими шоу, Геббельс — их будущий постановщик! — провел в литературных трудах и переживаниях по поводу очередной размолвки с подругой³⁴. Дошедшее до него спустя сутки известие о роковом событии отозвалось в его дневнике за 10 ноября всего одной не слишком сочувственной репликой: «В Баварии путч националистов. Людендорф снова случайно вышел погулять»³⁵. Большая же часть его заметок за этот день посвящена подробным описаниям вечернего посещения филармонии, все тех же любовных страданий и сладостных мук творчества.

Важной частью того «параллельного» мира, в который погрузился молодой литератор, по-прежнему оставалось чтение. В ноябре 1923 г. это были книги А.Стриндберга и Г.Гессе, а затем «Мертвые души» Н.В.Гоголя³⁶. Дочитав первую часть поэмы, Геббельс назвал ее автора «духовным отцом» Достоевского и в качестве особого комплимента отметил «исконную русскость» обоих писателей³⁷. Судя по воспоминаниям и дневнику, процесс его знакомства с творчеством самого Достоевского начался в 1919 г. с «Преступления и наказания», пришелся в основном на 1920 г. и закончился летом 1923 г. романом «Идиот», оставившим у него «самое сильное впечатление»³⁸. С тех пор Геббельс снова и снова перечитывал эти произведения, причем особенно интенсивно в начале 1924 и начале 1925 г., то есть именно тогда, когда в его мировоззрении и судьбе намечались серьезные сдвиги, все дальше уводившие его из мира литературы в мир политики. «Достоевский „Бесы“». Уже три года как не читал. И снова не могу избавиться от этого», — писал молодой книголюб в феврале 1924 г.³⁹ Спустя год он взялся за «Униженных и оскорбленных»: «Читал всю вчерашнюю ночь и сегодня до самого вечера»⁴⁰. Затем он обратился к «Братьям Карамазовым»: «В который уж раз? И читаю все подряд»⁴¹. О том, какое место занимало тогда творчество Достоевского в жизни Геббельса, можно судить и по другим, порой мелким деталям, о которых также повествует его дневник. Так, отмечая свое 26-летие с подругой и приятелем, он беседует с ними «о Христе и христианстве в связи с... „Идиотом“ Достоевского», а на дне рождения другой приятельницы читает с гостями вслух отрывки из того же романа⁴². Позднее, уже став гауляйтером Берлина, Геббельс опишет возвращение домой после напряженной агитационной поездки: «Только вошел и — цветы от Эльзы и Достоевский на столе от мамы. Именины! Я о них совсем позабыл...»⁴³

В своем дневнике Геббельс не ограничивался упоминаниями о тех или иных прочитанных книгах, но и размышлял над ними, давал им оценки и фиксировал полученные впечатления. И здесь, как и в более ранних мемуарах, самые яркие и хвалебные отзывы были чаще всего связаны с именем Достоевского. Неудовлетворенная страсть к литературным разборам вылилась в приватном тексте будущего нациста и

³⁴ *Ibid.*: 48 (запись за 9.11.1923).

³⁵ *Ibid.*: 48 (запись за 10.11.1923). Это язвительный намек на двусмысленное поведение Людендорфа во время капповского путча, организованного при его активном, но тайном участии. Присутствие генерала на Унтер-ден-Линден в момент вхождения путчистов в Берлин было представлено после их поражения так, будто он оказался случайным зрителем на их параде.

³⁶ Первое упоминание Геббельса о поэме см. *Ibid.*: 54 (запись за 27.11.1923).

³⁷ *Ibid.*: 55 (запись за 5.12.1923).

³⁸ См. *Goebbels 1987*: 10, 16—19, 26.

³⁹ *Goebbels 2004*: 94 (запись за 13.02.1924).

⁴⁰ *Ibid.*: 264 (запись за 23.01.1925).

⁴¹ *Ibid.*: 272 (запись за 21.02.1925).

⁴² См. *Ibid.*: 41, 75 (записи за 30.10.1923 и 18.01.1924).

⁴³ *Goebbels 2005*: 198 (запись за 19.03.1927).

в ряд сравнений русского классика с другими писателями, причем всегда не в пользу последних. И если в отзыве о Я.Вассермане как о «ла-вочном воре», крадушем христианскую проблематику у «великого и прекрасного» Достоевского, звучала сильная примесь уже пробудивше-гося у Геббельса антисемитизма⁴⁴, то презрительная оценка Э. фон Хан-дель-Мазетти диктовалась сугубо литературными соображениями. Тем бóльшим «лакомством» он счел «Бесов» Достоевского, за которых взялся сразу после ее книги⁴⁵. Не менее красноречивы в данном плане кри-тические заметки Геббельса о тех писателях, которых он безусловно по-читал за их взгляды и литературный талант, но по тем или иным причи-нам ставил ниже Достоевского. Среди них были и «чудный парень и великий поэт» К.Гамсун⁴⁶, и «нежный и хрупкий» А.Стриндберг⁴⁷, и «ве-личайший из ныне живущих немецких драматургов» Г.Кайзер⁴⁸, и Г.Га-уптман, чей роман «Юродивый Эмануэль Квинт» оставался для Геб-бельса «пока еще лучшей на немецком языке» книгой этико-религиоз-ного плана. И все же даже эту книгу он находил «неизмеримо слабее» «Идиота» Достоевского⁴⁹. Еще более строгий приговор он вынес «Един-ственному» М.Штирнера, обвинив автора в «совершенном непонима-нии» духа христианской идеи, который якобы открылся ему самому в творчестве Достоевского⁵⁰.

Более того, в иные моменты на фоне Достоевского в глазах мо-лодого Геббельса не выглядели безупречными даже гении немецкой культуры И.В.Гёте и Ф.Шиллер, благоговение к которым он демон-стрировал на протяжении всей своей жизни. Так, называя Достоевского величайшим эпиком, Шекспира величайшим драматургом, а Гете вели-чайшим лириком европейской литературы, Геббельс исключил из этого ряда Шиллера на том основании, что он «слишком доморощен, слиш-ком одомашнен, слишком патетичен», не способен «к художественным изыскам», является «дилетантом слова» и вообще «говорит о том, о чем не следует говорить»⁵¹. Кстати, последний упрек будущий нацистский министр адресовал «всем нашим сочинителям», которые «говорят слишком много» и, в отличие от Достоевского, не оставляют «простора фантазии читателя», ищущего не «легкомысленных историй», но «Духа и смысла»⁵². Что касается Гёте, то, даже поставив его вместе с Достоев-ским на «высшую ступень человеческого предназначения»⁵³, Геббельс в одном из мест дневника позволил себе намек, из которого следовало, что в то время он все-таки отдавал предпочтение русскому классику. Глядя как-то на портрет Достоевского и описывая его «истерзанный, изборожденный и иссеченный» лик «преступника и пророка», он тут же вспомнил благородное и прекрасное, «как творение искусства», лицо «любимца богов» Гете. Ключом к этому сравнению служит поме-щенный рядом многозначительный пассаж: «Старик Гете был так ак-куратен. Он написал много всякой очень аккуратной всячины. А ок-ружность скучна. Поворачивай как хочешь — она всегда останется одинаково круглой и красивой. Зато как прекрасны углы, грани и тре-щины!»⁵⁴

⁴⁴ См. Goebbels 2004: 42 (запись за 30.10.1923).

⁴⁵ См. Ibid.: 94, 96 (записи за 13 и 14.02.1924).

⁴⁶ См. Ibid.: 95—96 (запись за 13.02.1924). Спустя 20 лет Гамсун торже-ственно передаст Геббельсу на хране-ние свою медаль нобелевского лау-реата по литера-туре.

⁴⁷ См. Ibid.: 105—106 (запись за 11.03.1924).

⁴⁸ См. Ibid.: 100 (запись за 25.02.1924).

⁴⁹ См. Ibid.: 155 (запись за 27.06.1924).

⁵⁰ См. Ibid.: 88 (за-пись за 6.02.1924).

⁵¹ См. Ibid.: 90 (за-пись за 7.02.1924).

⁵² См. Ibid.: 100 (запись за 20.02.1924). Об уничтожительных оценках состояния немецкой литера-туры, которые давал Геббельс в своих ранних лите-ратурно-крити-ческих статьях и публичных выс-туплениях, см. Longerich 2010: 40—41.

⁵³ См. Goebbels 2004: 83 (запись за 30.01.1924).

⁵⁴ Ibid.: 95 (запись за 13.02.1924).

В своих воспоминаниях о первых знакомствах с романами Достоевского Геббельс писал о «потрясениях», «переворотах» и «революциях», которыми каждый из них отзывался в его сознании. Его более поздние дневниковые записи говорят о том, что эти книги не переставали оказывать на него шокирующее воздействие даже при повторном, а может быть, и третьем прочтении. О том, насколько бурную реакцию они могли вызывать, можно судить, например, по его признаниям, что, читая их, он «и неистовствует, и плачет» и что груз прочитанного лежит у него «ночью на душе как кошмар»⁵⁵. При этом творчество Достоевского служило истеричному по натуре автору дневника не только катализатором его собственных переживаний, но и своеобразной психотерапией. «Достоевский повергает в отчаяние. Когда я его читаю, я пребываю в состоянии неистового безумия. И все же он придает такую надежду и такую веру, делает таким сильным, таким добрым и таким чистым!» — записал Геббельс во время очередной депрессии, охватившей его зимой 1924 г.⁵⁶ Впрочем, и год спустя, когда гнетущая неопределенность сменилась лихорадочной политической активностью и быстрым вхождением в верхушку НСДАП, он продолжал искать в чтении русского классика погружения в иную и — как можно предположить из его записей — до поры более притягательную реальность. Так, взявшись перечитывать «Униженных и оскорбленных», начинающий нацист воспринял это занятие как «отдохновение», а через два дня закончил его со словами: «Это были часы праздника! И вот я позабыл о всякой печали. Теперь я снова стал чист»⁵⁷.

⁵⁵ *Ibid.*: 97, 273 (записи за 16.02.1924 и 23.02.1925).

⁵⁶ *Ibid.*: 96 (запись за 14.02.1924).

⁵⁷ *Ibid.*: 264 (записи за 21 и 23.01.1925).

Частые упоминания Геббельса об «очищающем воздействии», которое производило на него чтение Достоевского, о наступавших у него при этом экстатических состояниях и «переворотах» в сознании, а также об обретенной в итоге способности прозревать «тысячи дальних далей»⁵⁸ говорят о поистине религиозном отношении к русскому писателю. По сути, это были акты приобщения молодого бунтаря к грядущему «новому миру», чуждому ненавистной реальности и рожденному пером его кумира вместе с персонажами, которые «выходят из-под руки поэта, как первые люди из-под десницы господней»⁵⁹. В конце концов романтическое уподобление поэта творцу-демиургу, усиленное ницшеанской мечтой о богоподобном герое, вылилось у Геббельса в посвященную Достоевскому стихотворную оду:

⁵⁸ *Ibid.*: 99 (запись за 20.02.1924).

⁵⁹ *Ibid.*: 32 (запись за 17.10.1923).

«Провозвестник последних пределов.
Пророк и бог!
Ты держишь в своих руках
Мир будущего, застывший и безмолвный.
Через Тебя говорит дух вечного духа;
Ничто человеческое Тебе не чуждо,
И все ж Ты возвышаешься над временем и пространством.
Ты дал народу веру невиданной силы, и форму, и бога, и мир,
А затем Ты вновь устремился ввысь

В огненной колеснице к той вечности,
Из которой явился Твой дух»⁶⁰.

⁶⁰ *Ibid.*: 100 (запись за 20.02.1924).

В других столь же пафосных, но уже прозаических строках той же дневниковой записи Геббельс фактически признавался в том, что его пленял отнюдь не только литературный дар Достоевского, писавшего якобы лишь потому, что «писать — это единственный способ быть в XIX веке героем и пророком»⁶¹. К тому времени русский беллетрист стал для него прежде всего гением, сумевшим открыть своему народу его национальное предназначение и путь к новой жизни, наполненной неким высшим сакральным смыслом. Собственно, и само появление на свет националистической проповеди Достоевского, сила которой заключалась именно в ее религиозной подоплеке, представлялось Геббельсу актом не столько художественного, сколько мистического прозрения: «Он пишет о том, что... разгел в его мозгу и душе его Демон, его Дьявол... Он пишет потому, что его любовь к России и ненависть к чужому, вдохновение и огонь — и божественный огонь тоже — обжигали ему душу»⁶².

⁶² *Ibidem*. Повторив этот пассаж в повести «Михаэль», Геббельс выкинет из него упоминания о демоне, дьяволе и боге, зато уточнит: «...ненависть к чужому, к Западу обжигала ему душу» (см. *Goebbels* 1929: 34).

Стоит заметить, что готовность Геббельса признать более дьявольскую, нежели божественную природу послания Достоевского лишь внешне противоречила благоговейным суждениям о его истинно христианском содержании, которыми пестрят другие места дневника. Допуская мысль о двояком происхождении пламенной любви Достоевского к своему отечеству и его жгучей ненависти к «чужому», будущий нацист проецировал на писателя те националистические чувства, которые в это время разгорались в его собственной — демонической, как он верил, — душе. Во всяком случае, этот пассаж появился в его записях именно тогда, когда он, открыв в христианском социализме Достоевского спасительный путь не только для России, но и для Германии, сводил эту русскую утопию к идее немецкого национального социализма, в которой уже не было места христианскому богу. Однако в тот короткий период, когда биологический расизм еще не стал основным содержанием новой веры Геббельса, а она сама представлялась ему программой скорее нравственного, чем политического преобразования общества, он все еще продолжал считать своим духовным наставником Достоевского. О том, что этот «великий, великий русский» был для него тогда больше, чем просто писатель, он признавался сам, когда ставил его в один ряд с Моисеем, Буддой, Христом и Магометом⁶³. О том же говорят и образы Борца, Страстотерпца, Героя и Человека *Κατ' ἐξοχήν*, в которых тот являлся ему в его воображении⁶⁴, а также признание: «Я почти ничего не знаю о его становлении и судьбе. И тем не менее он мой пророк, мой ангел, мой брат, мой друг, мой вождь (букв. „mein Führer“ — С.А.), мой советчик, мой великий учитель и проводник в будущее!»⁶⁵ Таким пиететом в дневнике Геббельса будут дышать только строки, которые он вскоре начнет посвящать совсем другому человеку, ставшему его действительным вождем и проводником в зловещий мир, уже предсказанный русским пророком.

⁶³ *Goebbels* 2004: 70 (запись за 09.01.1924).

⁶⁴ *Ibid.*: 95 (запись за 13.02.1924).

⁶⁵ *Ibid.*: 99 (запись за 20.02.1924). Ср.: «Я так мало знаю о жизни Достоевского. Но я и не испытываю потребности узнать больше» (*Ibid.*: 171, запись за 17.07.1924).

«Россия, когда же ты проснешься?»

⁶⁶ *Ibid.*: 98 (запись за 18.02.1924).

⁶⁷ *Не случайно в качестве эпиграфа к своему дневнику Геббельс — явно в подражание Гёте — поместил высказывание Менандра: «Тот, кого не терзали, тот не воспитан» (см. *Ibid.*: 29, запись за 17.10.1923).*

⁶⁸ *См. Ibid.*: 88, 91—92, 95, 99 (записи за 06, 08, 13 и 20.02.1924).

⁶⁹ *Отзывы Геббельса о произведениях Достоевского см. Ibid.*: 70, 83, 90, 94, 96, 97, 99, 105 (записи за 9 и 30.01; 7, 13, 14, 16 и 20.02; 11.03.1924).

⁷⁰ *Отзывы Геббельса о произведениях Толстого см. Ibid.*: 70, 82, 88, 90, 91, 92 (записи за 9 и 30.01; 6, 7, 8 и 9.02.1924).

⁷¹ *См. Ibid.*: 70, 81, 83, 90, 95, 99, 105, 110 (записи за 09, 29, 30.01; 7, 13, 20.02.; 11 и 22.03.1924).

⁷² *Похожие пассажи можно найти также в записях Геббельса, посвященных Гоголю, напр.: «О, эти великие русские! Я их так люблю!» (Ibid.: 55, запись за 05.12.1923).*

⁷³ *См. Ibid.*: 90 (запись за 07.02.1924).

Среди описаний того упоения, которое Геббельс испытывал каждый раз, когда брался за перо, а также сладостного изнеможения, с которым его откладывал, в его дневнике за 1924 г. можно найти афоризм: «Покажи мне свой книжный шкаф, и я скажу, кто ты»⁶⁶. В этом изречении, которое молодой библиофил не без рисовки относил в первую очередь к себе, отразилась его склонность искать в любимых книгах не просто созвучия собственным переживаниям, но возможность выстраивать свое восприятие жизни сообразно мыслям и чувствам их авторов и героев⁶⁷. Столь сильная зависимость от прочитанного не могла не сказаться и на его писательских потугах, изобиловавших следами подражаний, а то и прямых заимствований в выборе стиля, сюжетов, образов и идей. Литературные влияния сильнейшим образом сказывались и на формировании его «образа России», который так или иначе отражался в его ранних политических взглядах.

Сам Геббельс, любивший перечислять в дневнике содержимое собственного «книжного шкафа», указывал, наряду с прочитанными им в начале 1924 г. Кайзером, Штирнером, Стриндбергом и Гамсуном⁶⁸, также и русских авторов — А.М.Горького, Достоевского⁶⁹ и «великого поэта» Толстого⁷⁰. Из писателей, читанных ранее, он в той или иной связи упоминал Гёте, Шиллера, Ф.Гёльдерлина, О.Шпенглера и Гоголя⁷¹. Уже сам по себе внушительный объем отзывов Геббельса о русской литературе, имевших к тому же неизменно хвалебный характер, свидетельствует о том, насколько важное место она занимала в его книжных пристрастиях. Его попутные рассуждения о жизни, политике, религии и культуре показывают, что и сама Россия (точнее, ее отражение в ее же литературной классике) продолжала выступать для него в виде притягательного, хотя и очень расплывчатого социокультурного образца.

Преимущественно «литературную» природу представлений молодого Геббельса выдавали, в частности, высказывания о русском народе, венчавшие его панегирики Достоевскому и Толстому и в равной степени относившиеся не только к реальным соотечественникам писателей, но и к их вымышленным персонажам⁷². Так, расхваливая «блестящий терпкий эпос „Войны и мира“», он признавался в своей любви ко всем без исключения дурным и хорошим героям произведения, поскольку «все они настолько типичные русские, эти чудесные, импульсивные, терпеливые, вспльчивые, непосредственные люди!»⁷³. «Каким великим и многообещающим должен быть народ, из которого вышел такой пророк!» — замечал он, размышляя об авторе перечитанного им осенью 1923 г. романа «Идиот». «Благословен народ, который был способен его породить!.. Разве этот народ не будет народом новой веры, новой страсти, нового фанатизма, короче говоря, нового мира?» — развивал он ту же тему, вернувшись к книге в начале следующего года⁷⁴. Еще через год, обратившись к «Униженным и оскорбленным» и восторгаясь героями романа, новоиспеченный нацист не удержался от восклицания: «Как же мы далеко отстали от этого чудесного народа. Ex oriente lux!»⁷⁵

⁷⁴ См. *Ibid.*: 32, 70 (записи за 17.10.1923 и 09.01.1924). Этот мотив лежал в основе жадного интереса к России многих современников Геббельса, среди которых были действительно выдающиеся представители немецкой интеллектуальной и художественной элиты.

⁷⁵ См. *Ibid.*: 264 (запись за 23.01.1925).

⁷⁶ См. *Ibid.*: 30 (запись за 17.10.1923).

⁷⁷ См. *Moeller van den Bruck* 1919.

⁷⁸ См., напр. *Spengler* 1963: 45; *Шпенглер* 1999: 250. См. также *Kraus* 1998: 277—312.

⁷⁹ *Goebbels* 2004: 30 (запись за 17.10.1923).

⁸⁰ Ср.: «Я не чувствую себя дома в этой разнородности мира. Глубочайшая причина моей муки в том, что у меня нет родины...» (*Goebbels* 2004: 31, запись за 17.10.1923).

⁸¹ *Ibid.*: 55 (запись за 5.12.1923).

Вплоть до осени 1925 г. в том же мессианском ключе были выдержаны размышления Геббельса и о самой России. Ее образ, наделенный чертами, которые видели или хотели видеть в ней ее великие писатели, представлялся молодому бунтарю и антиподом ненавистной немецкой действительности, и силой, способной увлечь Германию прочь от «гибнущей» цивилизации Запада, и ориентиром на пути к духовному исцелению немцев. В некоторые моменты начинающий немецкий националист был, похоже, готов связать свою веру в будущее немецкой и всей европейской культуры с торжеством именно тех начал, которые с легкой руки Достоевского принято определять понятием «русская идея». В октябре 1923 г. Геббельс в только что заведенном дневнике признавался в любви к «святой» и «тихо грезящей» России и тут же вновь, как когда-то в своей диссертации, писал о незримой, но судьбоносной схватке «великих духовных сил», развернувшейся, как он полагал, в послевоенной Европе. При этом он фактически ставил в один ряд неизбежную победу более «молодых и решительных» (а значит, и более достойных этой победы) сил с грядущим пробуждением России, которое явит миру «чудо» и разрешит проблемы духовно больной Европы⁷⁶.

Так, явно заимствуя и по-своему развивая мысли из полюбившегося ему монолога Шатова, Геббельс соединил их с популярным в то время в националистических кругах Германии мифом о противоборстве «молодых» и «старых» народов. Впрочем, и этот восходящий к немецкой романтике миф обрел в Германии вторую жизнь лишь после того, как эхом вернулся на родину в «славянофильской» интерпретации того же Достоевского и был вновь онемечен популяризатором его творчества и застрельщиком «революционного национализма» А.Мёллером ван ден Бруком⁷⁷. Картина этой духовной битвы была внушена молодому Геббельсу и культурфилософскими построениями Шпенглера, тоже поразившими его воображение, но, однако, не принятыми им до конца. Согласный с идеей Шпенглера (также, кстати, идущей от Достоевского) о грядущем подъеме вызревающей в русской почве религиозной культуры⁷⁸, он все же оспаривал его центральный тезис о неизбежном закате всей цивилизации Запада.

«Если человек погружен в нисходящее, то как ему найти силы и мужество для восхождения?.. Шпенглер... принес свое сердце в жертву нисходящему. Тяжелая мука стоять у могилы его культуры», — писал Геббельс осенью 1923 г.⁷⁹ Но, осуждая Шпенглера за упадничество, он и сам занял не самую патриотичную в культурфилософском плане позицию. Признаваясь в своих частных заметках, что не чувствует себя дома в родной Германии⁸⁰, он стремился хотя бы в мыслях вырваться из нее и постоянно возвращался в страну своих литературных грез: «Иногда меня охватывает такая сильная тоска по бескрайним русским просторам. Когда ты проснешься в своей чистоте, душа новой формации, русская душа?»⁸¹ Чуть позже, перечитывая «Бесов», Геббельс отмечал, что прозревает между строк Достоевского то, о чем и сам «уже догадывался и к чему страстно стремился»: «И насколько же дальше стал про-

⁸² *Ibid.*: 99 (запись за 20.02.1924). Величие русского эпоса, достигшего вершины в творчестве Толстого и Достоевского, Геббельс связывал с тем, что у русских (которые «меньше всех американцы

стираться мой взгляд! Я смотрю в тысячу дальних далей. Я вижу лежащую передо мной и беременную вечностью страну будущего»⁸². И уже став нацистским функционером, будущий вдохновитель борьбы с русским «варварством» не смог удержаться от того, чтобы дополнить очередное признание в любви к русской душе и ее певцу Достоевскому новым призывным кличем: «Россия, когда же ты проснешься? Старый мир томится в ожидании твоих спасительных дел! Россия, ты надежда умирающего мира! Когда же наступит день?»⁸³

«Мы должны стать фанатиками любви»

в Европе») «еще есть время, бесконечно много времени» (*Ibid.*: 90, запись за 07.02.1924).

⁸³ *Ibid.*: 170 (запись за 15.07.1924).

⁸⁴ *Goebbels 1987: 16. Подробнее см. Алленов 2012.*

⁸⁵ *См. Oppermann 2005: 71–76.*

⁸⁶ *Reuth 1990: 41. Эти слова следуют в монологе Шатова сразу же после фраз, которые Геббельс цитировал в своей диссертации.*

⁸⁷ *См. Goebbels 1987: 26.*

⁸⁸ *См. Goebbels 2004: 60 (запись за 13.12.1923).*

⁸⁹ *См. Ibid.: 60 (запись за 13.12.1923). Ср.: «Фанатизм любви — это дух самопожертвования!» (Goebbels 1929: 81).*

⁹⁰ *См. Goebbels 2004: 60 (запись за 13.12.1923). Ср. Достоевский 1957: 424.*

Столь эмоциональные упования на русское «чудо» уже вступившего в политическую борьбу яркого немецкого националиста вряд ли могут быть объяснены инерцией его (в иных случаях чрезвычайно гибкого) сознания или неизжитыми литературными привязанностями. Скорее в них звучали отзвуки того влияния, которое оказал на эволюцию мировоззрения Геббельса почерпнутый им из той же литературы и по-своему переработанный образ России. Его воспоминания и литературные сочинения позволяют предполагать, что политизация его сознания началась с первых побегов некоего «тихо растущего социализма», которые он ощутил в себе в 1920 г. после знакомства с социально-этической проповедью Толстого⁸⁴. Судя по написанной под ее влиянием драме «Посев»⁸⁵, «социализм» Геббельса с самого начала имел религиозную окраску, связанную с христианской подоплекой услышанного им русского послания, а также полученным в детстве строгим католическим воспитанием. Учитывая в целом религиозную природу мировоззрения молодого Геббельса, значение этого момента в становлении его политических взглядов не стоит недооценивать, тем более что они представляли собой поначалу, по сути, совокупность секуляризованных ересей.

Дальнейшее знакомство будущего нациста с русской литературой, прежде всего с Достоевским, укрепляло его в представлении о России как о «социалистической» общности — «социалистической в том смысле, что вера в бога здесь стала великой связующей силой, сплачивающей народ в единое „тело господне“ и делающей самого бога „синтетической личностью всего народа“ — „народа-богоносца“»⁸⁶. В конце 1923 г., вскоре после прочтения романа «Идиот», произведшего на него «самое сильное впечатление» и отозвавшегося в нем «новой революцией»⁸⁷, Геббельс заявил о себе как о приверженце «христианского социализма»⁸⁸. Тогда же, имея в виду своих единомышленников, в одном из своих литературных сочинений он употребил понятие «фанатики любви»⁸⁹. В его дневнике эта формула, означавшая идеал человеческого поведения, впервые встречается вслед за упоминанием о Достоевском, который, как известно, использовал близкую применительно к не самому симпатичному персонажу своих «Бесов» — «фанатику человеколюбия» Шигалеву⁹⁰. Не исключено, что это совпадение было случайным. Зато очевидно, что поразительное сходство шигалевщины с политической

практикой, в которую вылилось дальнейшее развитие взглядов Геббельса, стало закономерным порождением неумолимой логики, открытой великим писателем и таящейся уже в самом намерении коллективного земного спасения. Примечательно, что, обратив внимание на эту закономерность еще до того, как она проявила себя в деятельности будущего имперского министра, Н.А.Бердяев успел предсказать его путь, когда писал в своем «Опыте парадоксальной этики», что «фанатик любви может совершать величайшие злодеяния и насилия во имя идеи любви, вытеснившей свободу, справедливость и познание»⁹¹. Действительно, движимый этой логикой, Геббельс вскоре на деле станет воплощать в жизнь утопию, которой был одержим его русский предтеча, выйдя, как и он, из «безграничной свободы» и закончив тем же «безграничным деспотизмом», в котором «девять десятых» должны были «потерять личность и обратиться вроде как в стадо». Можно лишь догадываться, пугала ли эта картина Геббельса в молодости, когда он читал «Бесов», и обратил ли он внимание на предостережение писателя, сказавшего устами самого Шигалева о неизбежности именно таких последствий «конечного разрешения» «социального устройства»: «Я предлагаю рай, земной рай, и другого на земле быть не может»⁹².

⁹¹ Бердяев 1931: 183.

⁹² Достоевский 1957: 423.

Между тем определения «христианского социализма» в дневнике и литературных сочинениях Геббельса, бичевавших язвы общества и повинного в них «Мамона», на первый взгляд не кажутся зловещими: «Идея жертвы приобрела свое зримое обличье в Христе. Жертва принадлежит к сути социализма. Христианские социалисты — это значит добровольно и охотно делать то, что социалисты всего мира делают лишь из сострадания или государственного резона»⁹³. Христианский социалист, пояснял он в другом месте, это «человек общности», обладающий «высоким принципом, беззаветной самоотдачей и любовью к человечеству»⁹⁴. В целом такой социализм означал для Геббельса не равенство или тем более экспроприацию собственности, но стремление к преодолению социального отчуждения, достижимому только на религиозной основе. Однако из контекста тех же высказываний явствует, что степень необходимого для этого самоотречения, которой обладал Христос, доступна лишь немногим из смертных, да и то после рождения к жизни в новой вере. Собственно, в этом и заключался тот фанатизм любви, о котором писал несостоявшийся пастор Геббельс. По сути, такая любовь к ближнему делала излишней крестную жертву Христа, поскольку подменяла ее земной человеческой жертвой.

⁹³ Goebbels 1929: 82.

⁹⁴ Goebbels 2004: 60 (запись за 13.12.1923). Ср.: «Быть социалистом означает, что „Я“ подчиняется „Ты“, личность приносится в жертву общему. Социализм — это в самом глубоком смысле служение. Отказ от частного и притязание на целое» (Goebbels 1929: 25).

Как ни парадоксально, но отвергший еще в юности веру в Царство Небесное и порвавший с церковью будущий нацист укрепился в еретической идее земного спасения, находясь под обаянием самого светлого образа, рожденного пером Достоевского, — князя Мышкина из романа «Идиот». «С тех пор как я прочитал его „Идиота“, я живу целиком в кругу его мыслей», — писал Геббельс об авторе спустя полгода после того, как открыл его роман⁹⁵. Судя по записям, которые он посвящал ему тогда в дневнике, это признание, как и то, что книга отозвалась

⁹⁵ Goebbels 2004: 60 (запись за 13.12.1923).

⁹⁶ См. *Goebbels 1987: 10, 16–19, 26.*

в нем «революцией» и «пессимизмом по отношению ко всему», не было преувеличением⁹⁶. Пожалуй, из всех персонажей Достоевского князь Мышкин, наряду с Шатовым, оставил в его сознании самый глубокий след. Но если Геббельс, цитируя монолог Шатова, нигде не упоминал его имени, то о герое «Идиота» он прямо говорил как об «одном из благороднейших и лучших людей», которых он узнал из литературы. О том, что судьба князя не оставила Геббельса равнодушным, свидетельствуют его частые упоминания о романе, почти всегда перетекавшие в размышления о Христе, христианстве и современной духовной ситуации. Их общая тональность была действительно пессимистической, поскольку высказанная Достоевским с потрясающим реализмом трагическая, но, в сущности, бесспорная идея о невозможности повторения в земной жизни идеальной личности Христа оказала на молодого немецкого максималиста угнетающее воздействие. В итоге в своих записях, так или иначе связанных с романом, он сформулировал очень важный для себя урок, который извлек из знакомства с жизнеописанием князя Мышкина. Этот урок заключался в том, что «христианство не есть религия для многих, не говоря уже обо всех. Оно — изысканный цветок, лелеемый и взращиваемый одиночками и возвышающий душу человечества»⁹⁷.

⁹⁷ *Goebbels 2004: 32 (запись за 17.10.1923).*

⁹⁸ См., напр. *Goebbels 2004: 41, 78 (записи за 30.10.1923 и 24.01.1924).*

⁹⁹ *Ibid.: 42 (запись за 30.10.1923).*

Продолжая, с одной стороны, ненавидеть «официальное» христианство и даже заявляя о том, что с ним «наконец должно быть покончено»⁹⁸, Геббельс, с другой стороны, осознавал и недостижимость для людей того высокого идеала, который был задан когда-то Сыном Божиим: «Ведь Христос принес с собой чудовишно нелегкое бремя своего учения о морали... Можно видеть, насколько далеко мы сегодня отстоим от Христа. Христос требует, чтобы ты стал героем пассивного терпения. Это еще тяжелее, чем быть героем поступка»⁹⁹. Однако довольно быстро Геббельс нашел для себя выход из этой мучительной дилеммы, которая просто устранялась вместе с ошибкой, якобы допущенной Христом: «Христос меряет людей своей мерой. И именно поэтому он в конце концов гибнет. В этом, кстати, трагедия всех пророков и революционеров. Они видят других такими, каковы они сами. Это ошибка в их расчетах»¹⁰⁰. Безошибочный, как ему казалось, расчет самого Геббельса заключался в ставке на «лучших мира сего», на «детей в духе господнем», которые только и способны на «подвиг человеколюбия»¹⁰¹. К числу этих избранных будущий пропагандист отнес и самого себя. Объявив о своей готовности к «пассивному геройству» и альтруизму по образцу Христа, он не преминул добавить: «Как многим я обязан Достоевскому!» Вряд ли случайно он здесь же записал и следующие слова: «Если бог создал меня по образу своему, то я бог, как и он... Чем более великим и сильным я делаю бога, тем более великим и сильным становлюсь я сам»¹⁰². Так ересь человекобожия, уже заявлявшая о себе в его литературных опусах, получила новый импульс, который стал и одним из стимулов на его пути в политику.

¹⁰⁰ *Goebbels 1929: 60.*

¹⁰¹ См., напр. *Goebbels 2004: 42 (запись за 30.10.1923).*

¹⁰² *Ibid.: 88 (запись за 06.02.1924).*

Весной 1924 г. Геббельс с присущей ему смелостью заявил в своем дневнике о революционности своей новой установки в «духовном, эко-

номическом, национальном, религиозном, литературно-художественном и научном плане» и тут же косвенно указал источник ее происхождения: «Германия и Россия (не сегодняшняя) будут формировать нового человека»¹⁰³. Вновь обратившись к этой идее летом того же года, молодой бунтарь утверждал, что «новый человек» (или, «по крайней мере, его начало») якобы уже появился и не успокоится, пока не будет сломана «старая форма человеческого общества». И здесь он снова вспоминал об «Идиоте» Достоевского и России, которая «найдет новую христианскую веру со всем ее молодым пылом, со всей ее детской доверчивостью, со всем ее религиозным рвением и фанатизмом»¹⁰⁴. В конечном итоге захватившая Геббельса тема духовного избранничества новых, берущих на себя устройство людского счастья «аристократов духа» вылилась в весьма откровенное и уже лишенное «христианского» флера признание: «Меньшинство лишь тогда добьется поворота в судьбе Германии, когда включит в себя самых лучших. И если умнейшие берут дело правления в свои руки, они должны открыто заявить: мы устанавливаем диктатуру. Таким образом мы принимаем на себя ответственность перед историей — кто бросит первым в нас камень?»¹⁰⁵ Это признание молодого немецкого фашиста — героя «автобиографической» повести Геббельса и его alter ego — заставляет подозревать наличие среди источников его вдохновения еще одного текста Достоевского, в котором есть, в частности, следующие слова: «И будут миллионы счастливых слабых и тысячи несчастных сильных, хранящих тайну и принимающих грехи. И тогда Христос вновь придет со своими избранниками, они встанут и скажут: „Суди нас, если можешь и смеешь, ведь вы спасли лишь самих себя, а мы спасли всех“»¹⁰⁶.

Явное созвучие этого фрагмента из монолога Великого инквизитора с откровениями молодого Геббельса кажется особенно красноречивым в свете потрясающего сходства реалий нацистской империи с порожденным фантазией Достоевского и описанным в этом монологе мрачным царством. Это подобие само по себе служит жутким подтверждением провидческого дара гениального писателя. Но то, что именно гитлеровский министр Геббельс, как никто другой знавший и чтивший Достоевского, придал Третьему рейху все черты этой литературной утопии, побуждает задуматься, не была ли его деятельность хотя бы отчасти сознательной попыткой ее реализации. В самом деле, в легенде о Великом инквизиторе нет практически ничего, что не укладывалось бы в рамки построенной Геббельсом системы манипулирования массовым сознанием, а сама эта система обеспечивала все, что, по словам инквизитора, ищет человек на земле: «пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник»¹⁰⁷. И разве не относится к созданной нацизмом духовной ситуации в Германии картина порядка, основанного на «чуде, тайне и авторитете», при котором «люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят, наконец, столь страшный дар» — дар свободы, принесший им «столько муки»?¹⁰⁸

¹⁰³ *Ibid.*:
121 (запись
за 10.04.1924).

¹⁰⁴ *Ibid.*:
155 (запись
за 27.06.1924).

¹⁰⁵ *Goebbels 1929*:
115.

¹⁰⁶ *Достоевский*
1958: 326.

¹⁰⁷ *Там же*: 323.

¹⁰⁸ *Там же*.

Наверное, вопрос о том, осознавал ли Геббельс, насколько точно он следовал в своей политической деятельности этому хорошо известному ему литературному образцу, останется, как и в случае с шигалевщиной, навсегда открытым. Но так или иначе, его путь к той интерпретации христианства, которая в конечном счете оказалась идентичной основной идее Великого инквизитора, был не случаен. На предопределенность этого пути обращал внимание, в частности, С.Л. Франк, отмечавший, что, «казалось бы, естественный, почти незаметный переход от истинного христианского умонастроения к этически-политической позиции „христианского социализма“ оказывается... заблуждением, по существу совпадающим с искушением „Великого Инквизитора“ у Достоевского»¹⁰⁹. Конечно же, русский философ не мог знать об опыте духовных исканий нацистского министра, но, по сути, он писал о соблазне, перед которым тот не устоял в молодости. Пагубность этого соблазна Франк видел в том, что христианин, поддающийся «стремлению облегчить человеческие нужды с помощью земной, внешней силы принуждения», тем самым «фактически отрекается от истинного существа христианской жизненной установки, осуществимой лишь при полной внутренней свободе и отрешенности от мысли о внешнем успехе»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Франк 1990: 242.

¹¹⁰ Там же.

Вообще говоря, трактовки образа Великого инквизитора русскими религиозными философами, считавшими себя «диагностами» не только пред- и послереволюционной России, но и всей Европы, способны служить удивительно точными психологическими портретами молодого Геббельса, полностью отражающими его духовный мир. Так, В.В. Розанов, еще в конце XIX в. распознавший в легенде об инквизиторе «замысел величайшего преступления, какое было совершено когда-либо в истории», замечал, что «самая горячая любовь к человеку в ней сливается с совершенным к нему презрением, безбрежный скептицизм — с пламенной верою, сомнение в зыбких силах человека — с твердою верою в достаточность своих сил для всякого подвига»¹¹¹. Подчеркивая ту же двойственную природу нарисованной Достоевским картины, Бердяев писал о Великом инквизиторе, который «полон сострадания к людям» и «по-своему „демократ и социалист“», как об «аскете», соблазненном злом в обличье добра. Но то же самое можно было бы сказать и о Геббельсе — «человеке идеи», который также мучился в молодости «великою скорбью» и «любил человечество». Как и у инквизитора, у него была тайна: «Тайна эта — неверие в Бога, неверие в Смысл мира, во имя которого стоило бы людям страдать»¹¹².

¹¹¹ Розанов 1894.

¹¹² Бердяев 1923.

Несмотря на то что каждый из этих русских интерпретаторов Достоевского по-своему раскрывал смысл его послания, все они, сходясь в конечном счете в главном, указывали на присутствие «антихристового соблазна» везде, где происходит вечная борьба добра и зла. В таком случае Геббельсу, чтобы стать инкарнацией Великого инквизитора, не обязательно было подражать этому литературному образцу. Напротив, его исступленное преклонение перед гением Достоевского могло объясняться именно тем, что писатель, умевший проникать в самые темные

¹¹³ *О восприятии Геббельсом героев Достоевского можно судить по его отзыву о «чуждой жизни и похождениях» Николая Ставрогина: «Какой безумный человек и все же какой типичный русский! Такие вещи могут происходить только в России... Милые, сумасшедшие русские!» (Goebbels 2004: 96, запись за 14.02.1924).*

¹¹⁴ См. Reuth 1990: 53.

¹¹⁵ См. Бердяев 1923. Розанов, обращавший внимание на то, что Христос основал Церковь как «царство вне крови и племени», прямо полагал «непостижимым», каким образом Достоевский «стоял, глубоко уйдя ногами в языческую почву, и даже именно ее-то и провозглашал „нашей русской верой“, православием» (Розанов 1995: 201).

¹¹⁶ Goebbels 2004: 135, 171 (записи за 16.05. и 17.06.1924). Тем не менее написанные Геббельсом осенью 1923 и весной 1924 г. литературные произведения не содержали антисемитских выпадов, которыми в то время уже изобиловал его дневник. Возможно, он все же надеялся, что в таком виде они найдут более благосклонный прием у издателей и завлитов.

бездны человеческой души и сознания, оказался, быть может, единственным, кто смог его по-настоящему понять — хотя бы и из своего XIX в. и русского далека.

Так или иначе, будущий нацист в своих дневниках почти не упоминал об одиозных персонажах Достоевского и уж точно не расточал похвал идеям, вложенным писателем в их уста¹¹³. Зато вычитанные им в романе «Бесы» пассажи Шатова о вере, сплавающей народ в единое целое и становящейся для него силой, «повелевающей и господствующей», произвели на него настолько сильное впечатление, что он счел нужным дословно воспроизвести их в 1921 г. в своей диссертации¹¹⁴. В данном случае можно говорить уже о явном искушении «соблазнами и грехами русской мессианской идеи»¹¹⁵. В свете известного призыва искать каждому народу «Бога своего, непременно собственного», «особого» и «единственно истинного» вряд ли удивительно, что пленивший Геббельса миф о социальной общности, связанной узами взаимной любви и самоотречения, в конце концов начал приобретать отчетливые националистические черты. Если еще в 1923 г. понятия «истинного» социализма и христианства означали для молодого богоискателя — какой бы смысл он ни вкладывал в эти слова — фактически одно и то же, то уже в начале следующего года «христианский социализм» стал для него, по сути, синонимом национального, а значит, чисто немецкого социализма. Та легкость, с какой он производил замену определения «христианское» на «национальное» и наоборот, сама по себе может служить свидетельством его готовности «национализировать» христианство и спроецировать русскую идею о «народе-богоносце» теперь уже на немецкую народную общность. На первых порах национальный социализм оставался для начинающего фашиста программой не столько политического действия, сколько духовного обновления или, говоря словами Великого инквизитора, попыткой «исправить» подвиг Христа.

Этот новый сдвиг в сознании Геббельса происходил тем быстрее, чем сильнее он пропитывался идеями воинствующего антисемитизма, почерпнутыми из трудов Х.С.Чемберлена и других теоретиков расизма, а также из общения с новыми соратниками по движению «фёлькише» и НСДАП. Не последнюю роль в ускорении процесса «прозрения» незадачливого сочинителя сыграла и придиричность «этих еврейских снобов» — театральных деятелей и издателей, которые то ли его «не понимали», то ли «мстили» за уже проявленный им национализм¹¹⁶. Можно заметить, что по мере нарастания в его дневнике площадной ругани в адрес евреев диапазон употребления им по-прежнему любимых слов «самопожертвование», «христианство», «социализм» и т.п. заметно сужался. Относившиеся раньше к «людям» вообще, они теперь, как и понятие фанатизма любви, адресовались не всем: «Общее благо впереди частного блага... Нас обзывают националистами, но мы ими и являемся, если это слово значит: люби свое отечество и товарищей из своего народа (Volksgenossen) как себя самого. Только воодушевление может

нас сегодня спасти. Мы должны стать фанатиками любви. Национал-социалисты — это христианские социалисты»¹¹⁷.

¹¹⁷ *Ibid.*:
128 (запись
за 29.04.1924).

Уже самая первая дневниковая запись Геббельса о Гитлере, сделанная в марте 1924 г., содержала короткую, но многозначительную приписку: «Социализм и Христос. Этическое обоснование. Прочь от закоснелого материализма. Назад к самоотречению и богу!!!»¹¹⁸ Вторая заметка по тому же поводу, в которой уже чувствуется восторг подлинной любви, свидетельствует о том, что Геббельс наконец-то обрел долгожданного вождя и мессию не в мире литературы, а в жизни: «Гитлер — идеалист, наделенный вдохновением. Человек, который несет немецкому народу новую веру. Я читаю его речи и воодушевляюсь ими, воспаряю к звездам. Путь ведет от мозга к сердцу. Национальное и социальное сознание. Прочь от материализма»¹¹⁹. В записи, появившейся через год, представлен набор все тех же понятий: «Идея живет и будет жить. Мы, молодые мужчины, должны претворить ее в жизнь. Жертвовать! Разговоры не помогут. Действовать! Быть социалистом дела. Как же в нас этого мало. Быть истинными христианами! Как тяжело, как это безумно тяжело!»¹²⁰ К тому времени начинающий нацист готов был считать «христианскими социалистами» и «богоискателями» не только соратников по движению, но и всех «современных немцев»¹²¹. Итоги же собственного богоискательства он подытожил в предельно короткой фразе: «Мой бог есть бог силы»¹²².

¹¹⁸ *Ibid.*:
107 (запись
за 13.03.1924).

¹¹⁹ *Ibid.*:
108 (запись
за 20.03.1924).

¹²⁰ *Ibid.*:
282 (запись
за 16.03.1925).

¹²¹ *Goebbels 1929*:
32, 82.

¹²² *Ibid.*: 32.

* * *

При всей поразительности метаморфоз, которые в течение четверти века претерпевали взгляды Геббельса на Россию, их мировоззренческая подоплека оставалась в принципе неизменной. Она определялась его изначальной ненавистью к либеральному Западу и всем тем его атрибутам, с которыми принято связывать понятие модерна. Именно эта ненависть вкупе со страстным, по сути, религиозным стремлением к спасению через полное обновление «гибнущего» мира облегчила будущему нацисту восприятие литературного образа России как антипода «загнивающей» Европы и оплота грядущей «новой духовности». По той же причине молодой Геббельс не упустил фактически ни одного искушения, таящегося в идейном наследии Достоевского, поддавшись в том числе и тем, которые, казалось бы, должны были потерять свои чары вне пределов чисто русской национальной идеи. В его фрустрированном сознании нашли благодарный отклик звучавшие в творчестве русского писателя мотив враждебности либерализму и иррационализм, ересь человекобожия и утопия земного спасения, миф о «народе-богососце» и идея мирового водительства возрожденной нации.

Несмотря на свою причудливость, такое восприятие России было в той или иной степени свойственно довольно большому числу единомышленников Геббельса из немецкого «национал-революционного» стана. Однако это было не единственным парадоксом, которыми богата

¹²³ *Mereschkovski*
1922: XXX—XXXI,
XXXVII.

история русско-немецкого диалога. В самом начале XX в. не кто иной, как Д.С.Мережковский, собственно и открывший немецкому читателю мистический мир Достоевского, указывал на таящийся в этом мире опасный соблазн. Он утверждал, что проложенный Достоевским «единственный путь ко Христу грядущему — ближе всех путей к Антихристу»¹²³. Патриарх «русской идеи» имел в виду опасность спутать то Царство Третьего Завета, о котором якобы пророчествовал Достоевский, с идеей обожествленного народа и государства. От имени русских учеников Достоевского, познавших всю силу данного искушения и, как он полагал, одолевших его, Мережковский считал своим долгом предупредить о нем тех, кто идет следом. Пожалуй, самым страшным примером того, к чему оно может привести, является ход и последствия мировоззренческой эволюции Геббельса.

Библиография

- Алленов** С.Г. 2012. Образ России и формирование политического мировоззрения молодого Йозефа Геббельса («Свет с Востока» (1918—1923 гг.)) // *Полития*. № 1.
- Бердяев** Н.А. 1923. *Миросозерцание Достоевского*. — Прага (<http://www.vehi.net/berdyayev/dostoevsky/index.html>).
- Бердяев** Н. 1931. *О назначении человека: Опыт парадоксальной этики*. — Париж.
- Гринфельд** Л. 2008. *Национализм: Пять путей к современности*. — М.
- Достоевский** Ф.М. 1957. Бесы: Роман в трех частях // Достоевский Ф.М. *Собрание сочинений: В 10-и т.* Т. 7. — М.
- Достоевский** Ф.М. 1958. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом // Достоевский Ф.М. *Собрание сочинений: В 10-и т.* Т. 7. — М.
- Розанов** В.В. 1894. *Легенда о Великом Инквизиторе*. — СПб. (http://royallib.ru/book/rozanov_v/legenda_o_velikom_inkvizitore.html).
- Розанов** В.В. 1995. Памяти Ф.М. Достоевского // Розанов В.В. *О писательстве и писателях*. — М.
- Фест** И. 1993. *Гитлер: Биография*. Т. 1. — Пермь.
- Франк** С.Л. 1990. Проблема «христианского социализма» // *Новый мир*. № 4.
- Шпенглер** О. 1999. *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы*. — Минск.
- Baersch** С.-Е. 1995. *Der Jünge Goebbels. Erlösung und Vernichtung*. — München.
- Dr. Goebbels: Nach Aufzeichnungen aus seiner Umgebung**. 1949. — Berlin.
- Gathmann** P., Paul M. 2009. *Narziss Goebbels: eine psychohistorische Biografie*. — Wien.
- Goebbels** J. 1925. *Das kleine abc des Nationalsozialisten: Freiheit und Brot!* — Elberfeld.

- Goebbels J.** 1926. *Die zweite Revolution: Briefe an Zeitgenossen.* — Zwickau.
- Goebbels J.** 1929. *Michael: Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern.* — München.
- Goebbels J.** 1987. Tagebuch für Joseph Goebbels (Erinnerungsblätter) von 1897 (Geburtsjahr) bis Oktober 1923 (geschrieben Juli 1924) // *Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente* / Hrsg. von E.Fröhlich. Teil I. Aufzeichnungen 1924—1941. Band 1. 27.06.1924 — 31.12.1930. — München.
- Goebbels J.** 2004. *Die Tagebücher von Joseph Goebbels* / Hrsg. von E.Fröhlich. Teil 1. Aufzeichnungen 1923—1941. Band I/I. Oktober 1923 — November 1925. — München u.a.
- Goebbels J.** 2005. *Die Tagebücher von Joseph Goebbels* / Hrsg. von E.Fröhlich. Teil 1. Aufzeichnungen 1923—1941. Band I/II. Dezember 1925 — Mai 1928. — München u.a.
- Heiber H.** 1962. *Joseph Goebbels.* — Berlin.
- Höyer U.** 1992. *Joseph Goebbels: Ein nationaler Sozialist.* — Bonn.
- Kraus H.-Chr.** 1998. «Untergang des Abendlandes»: Rußland im Geschichtsdenken Oswald Spenglers // Koenen G. von, Kopelev L. (Hrsg.) *Deutschland und die Russische Revolution: 1917—1924.* — München.
- Longerich P.** 2010. *Goebbels: Biographie.* — München.
- Mereschkovski D.** 1922. Die religiöse Revolution // Dostojewski F.M. *Politische Schriften. Mit einer Einleitung von Dmitri Mereschkowski.* — München.
- Moeller van den Bruck A.** 1919. Das Recht der Jungen Völker. — München.
- Oppermann J.** 2005. *Das Drama «Der Wanderer» von Joseph Goebbels: Frühformen nationalsozialistischer Literatur.* Dissertazion zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie von der Fakultät für Geistes- und Sozialwissenschaften der Universität Karlsruhe. — Karlsruhe.
- Reichel P.** 1996. *Der schöne Schein des Dritten Reiches: Faszination und Gewalt des Faschismus.* — München.
- Reuth R.G.** 1990. *Goebbels.* — München.
- Riess K.** 1950. *Joseph Goebbels: Eine Biographie.* — Baden-Baden.
- Ringer F.K.** 1983. *Die Gelehrten: Der Niedergang der deutschen Mandarine 1890—1933.* — Stuttgart.
- Spengler O.** 1963. *Briefe: 1913—1936.* — München.
- Vondung K.** 1986. Der literarische Nationalsozialismus. Ideologische, politische und sozialhistorische Wirkungszusammenhänge // Bracher K.D. von, Funke M., Jacobsen H.-A. (Hrsg.) *Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945: Eine Bilanz.* — Bonn.